

УДК 165.731

DOI: 10.17223/1998863X/34/10

С.Б. Куликов

ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ И ФЕНОМЕН ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ КАК КЛЮЧИ К ПОНИМАНИЮ ИДЕЙ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА¹

Предлагается интерпретация высказывания Витгенштейна «о чем говорить нельзя, о том следует молчать». Высказывание толкуется в свете психолингвистических изысканий Пиаже и Выготского. Автор полагает, что Витгенштейн допускает смешение языка и речи. Строгое различие позволяет обойти «запрет» на выдвигание высказываний относительно того, о чем в стандартных условиях надлежит молчать.

Ключевые слова: история аналитической философии, античное наследие, язык, мышление, Витгенштейн.

Введение

Высказывание «о чем говорить нельзя, о том следует молчать» (ЛФТ 7)² обрывает текст Логико-философского трактата, оставляя читателя в интригующем неведении. Но интересно здесь даже и не то, что требуется молчание в случаях, когда речь не может продолжаться. Тут-то как будто все понятно. По Людвигу Витгенштейну, такое событие складывается тогда, когда нельзя сформулировать пропозицию вида aRb . Но даже оставляя в стороне вопрос о статусе отношения (в случаях, например, понимания его как соответствия некоего 'a' (снег) атрибуту 'b' (белизна), равно как в случаях, когда речь идет о тождестве 'a' и 'b'), все же сохраняется и другой немаловажный вопрос. Для понимания идей Л. Витгенштейна представляется существенным обсуждение того, что же конкретно надлежит сопровождать молчанием, в то время как сам Л. Витгенштейн успел высказаться в своем Трактате и о фактах, и о языке, и об этике, и о свободе воли, и о многом, многом другом.

Исследование содержит три основные части. В первой из них даются теоретические основания исследования. Во второй части уточняется связь мышления и языка, по Л. Витгенштейну. Третий раздел представляет аргументы, позволяющие дать расширительное толкование отношениям языка и мышления и раскрыть возможности экстраординарного применения языка.

1. Теоретические основания исследования

Основным теоретическим базисом нашей работы выступила идея различения языка (совокупности знаков и правил их применения) и речи (практики употребления знаков в процессе коммуникации). Причем исходно мы полага-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-10002).

² Ссылки на «Логико-философский трактат» и «Философские исследования» [1] даются в соответствии с принятыми в международной практике стандартами, подразумевающими указание пронумерованных фрагментов текста.

ем, что в недрах мысли Л. Витгенштейна скрывается базовое смешение этих явлений. Строгое же различие языка и речи позволяет обойти «запрет» Л. Витгенштейна, если, конечно, он и вправду вообще что-то запрещал, а не указывал своей фразой на нечто иное, точно так, как это делали античные скептики (например, Пиррон). В этом случае может быть раскрыто влияние античного скептицизма в рамках аналитической философии XX века, и потому стало бы возможным несколько нетрадиционно расставить акценты в рамках данной истории. Но даже если придерживаться более традиционно-го понимания идей Л. Витгенштейна, то в результате есть все шансы обнаружить, что то, что не может быть сформулировано в языке, в принципе может быть представлено в речи. В частности, нельзя говорить «мягкий цвет очень вкусен», ибо тогда мы нарушаем правила, которые в русском языке не позволяют признак «мягкость» и «вкус» относить к цвету какого-либо объекта. Допустим, красное яблоко можно назвать «вкусным», а вот «красное» как таковое вкуса не имеет. Но ведь есть смысл использовать фразу «мягкий цвет очень вкусен» как пример речевой ошибки, которой не место в перечне осмысленных высказываний! Может, конечно, возникнуть возражение, что Л. Витгенштейн предвидел указанный аргумент, ибо он ведь утверждает в Трактате: «То, что может быть показано, не может быть сказано» (ЛФТ 4.1212). Но в этом утверждении подразумевается различие лингвистических и экстралингвистических способов коммуникации. Речи же о том, что есть некие естественные границы внутри самого языка, позволяющие использовать его настолько по-разному, что не во всех случаях он выстраивает картины мысли, а, например, формирует ещё и картины эмоций, не ведется. Кстати сказать, такой идеи в явном виде не прослеживается даже в рамках теории языковых игр, которую Л. Витгенштейн обсуждал в поздний период творчества.

Вопрос обо всем многообразии способов понимания языка и речи в контексте высказываний Л. Витгенштейна сводится нами к проблеме так называемого индивидуального языка как процесса формирования «внутренней речи». Феномен внутренней речи был открыт Жаном Пиаже, а описан и во многом переосмыслен Львом Выготским. Мы полагаем, что именно этот феномен позволяет уточнить границы, в которых утверждение Л. Витгенштейна «о чем говорить нельзя, о том следует молчать» теряет свое общее значение и становится всего лишь случаем речевой практики наряду с другими вариантами коммуникации. Помимо прочего можно прояснить некоторые аспекты проявления так называемого «парадокса следования правилу».

2. Язык и границы мышления

Л. Витгенштейн полагал, что логика позволяет строить картины мысли (ЛФТ 3) и она трансцендентальна (ЛФТ 6.13). Это должно было означать, что логика задает границы возможности осмысленных высказываний, поскольку «нелогичное немислимо, ибо в противном случае нужно было бы мыслить нелогично» (ЛФТ 3.03). Именно потому стало удобным считать, что язык определяет границы мышления.

Важно отметить, что наше исследование не является ни критикой, ни продолжением работ по истолкованию Трактата в духе критики Яакко Хин-

тики идей так называемых «новых Витгенштейнцев» [2]. Наша работа выстраивается, если можно так выразиться, параллельным образом. Но, безусловно, важным является и прояснение, насколько буквально может быть понято утверждение Витгенштейна, в рамках которого заявлено, что при правильном понимании тезисов Трактата все они должны быть признаны «бесмысленными» (ЛФТ 6.54). В частности, при буквальном прочтении такое утверждение позволило переформулировать слова Витгенштейна о единстве (и общей трансцендентальности) невыразимых этики и эстетики. Я. Хинтика полагал, что не только «этика и эстетика суть одно», но также «этика и семантика суть одно», ибо нет существенной разницы между семантическими и логическими исследованиями, с одной стороны, а также невыразимыми этическими знаниями – с другой.

В то же время в русле нашего исследования актуальным является то обстоятельство, что упомянутая выше идея ограниченности мышления языком, взятая сама по себе, еще не означает, что логика задает границы возможности для любых высказываний. Вероятность построения высказываний вне мышления, например, при описании некоторого действия в момент его выполнения, полагает предел для власти логики. Не будем забывать, что и сам Л. Витгенштейн не всегда применял язык формальной логики, а пользовался также и естественным языком. При чем причины такого отношения к языку можно усмотреть в той особой интерпретации законов науки, которой придерживался Л. Витгенштейн.

Законы в естествознании – это общеутвердительные высказывания о необходимых связях между явлениями и процессами. Как и Л. Витгенштейн, будем полагать, что нельзя в общем случае (т.е. не только в естествознании) формулировать законы в виде сугубо общеотрицательных суждений, не предлагающих некоего положительного утверждения, и наоборот (ЛФТ 5.5151). В итоге законы естествознания дают возможность утвердить связь между явлениями (фактами). Можно привести довольно простой пример. Закон Всемирного тяготения позволяет увязать между собой массу тел, расстояние между ними и общее влияние гравитационной постоянной. При чем все характеристики выражаются в количественном виде, так что получается уравнение, которое своими решениями позволяет обнаруживать факторы, влияющие на тела, даже и не данные в рамках непосредственного наблюдения. Точно так, буквально на листе бумаги, в свое время было открыто существование планеты Нептун, которое много позже воспроизвели уже в рамках астрономических наблюдений.

Но при анализе научных законов важно помнить, что говорить (т.е. утверждать нечто) о самих законах можно, связывая отдельные слова (имена) с некоторыми областями значения, а именно природными, общественными, культурными и другими областями. Для этого нужны логика и её законы, которые дают понять (точнее, увидеть) связь элементов высказывания (имен) между собой. Однако о законах логики нельзя «говорить» в значении приписывания некоторых значений некоторым знакам, отличных от самих этих знаков. Законы логики не имеют содержания, в результате в высказываниях (предложениях) по типу $A=A$, а также $\neg(A \text{ и } \neg A)$ (где \neg есть знак отрица-

ния) и т.д. отдельные элементы не обнаруживают самостоятельного значения, отличного от смысла фразы в целом.

Иначе говоря, законы логики относительно законов естествознания носят характер демонстрации типа общей связи, которую и выделяют ученые в процессе изучения реальных явлений и процессов. И именно в этом смысле, судя по всему, надо понимать принципиальный (трансцендентальный) характер логики, ибо то, что не может быть сведено к общей форме aRb , не является предложением. В том же смысле раскрывается и суть языка как границы мышления, ибо только в рамках общих форм языка выстраиваются и общие формы мышления. Простейший случай – соответствие грамматики предложений структуре суждения: подлежащее как субъект, сказуемое как связка, дополнение как предикат. Можно сказать, что «кошки пьют молоко», а логически это будет выглядеть как «некоторые 'S' есть существа, характеризующиеся действием 'P'».

В то же время язык, устанавливающий границы для мышления, должен что-то включать в себя и со стороны, не относящейся к мышлению, ибо любая граница не только разделяет две какие-то области, но и связывает их между собой. В данном случае можно вспомнить правило, согласно которому линия, ограничивающая игровое поле в баскетболе, – это часть поля. Пересечение линии мячом или ногой игрока выводит их из игры, а мяч переходит к команде противника. Поэтому линия поля служит границей для возможностей одной команды, но и открывает новые перспективы для другой. Точно так и в случае отношений мышления и языка, в которых язык налагает некоторые ограничения на процесс мышления, а в своих собственных проявлениях данные ограничения преодолевает. Мы полагаем, что одной из областей, смежных с мышлением, является мир, который формируется индивидом на базе внутренней речи. Такой речью индивид пользуется не для коммуникации с окружающими, а для общения с самим собой.

3. Внутренняя речь и выход из круга молчания

Л. Витгенштейн формулирует в своих поздних работах так называемый «парадокс следования правилу». Каждая фраза языка строится по определенному правилу, однако мы не можем следовать правилу, ибо любое следование правилу само должно выполняться согласно какому-либо правилу (Философские исследования: 201). Следствие парадокса – запрет на использование, а точнее указание на относительную бессмысленность индивидуального языка, ибо любой язык – это социальное явление, обеспечивающее передачу сообщений, согласно некоторым правилам. В этом контексте следует учитывать, что под «смыслом» понимаются способы данности высказываний в рамках языковой системы, а отнюдь не бессодержательность таких высказываний; иначе бессмысленными были бы предложения логики, что неверно (ЛФТ 4.4611). Другими словами, например, и относительно самого себя язык должен молчать, поскольку экстралингвистических способов описания языка нет (точно так, как, по Л. Витгенштейну периода Логико-философского Трактата, «молчит» всякий, кто не может сформулировать четкой пропозиции).

В то же время, если различать язык и речь (так поступал, допустим, Ф. де Соссюр), то аргументация, направленная против индивидуального языка, не может быть обращена также и против индивидуальной (или «внутренней», в терминологии Л.С. Выготского) речи. Психологические исследования феномена внутренней речи [3, 4], инициированные разработками Л.С. Выготского [5], позволяют несколько скорректировать положения, выдвинутые Л. Витгенштейном. Эти исследования показывают, что смысл внутренней речи заключается в возможности выделить предварительный этап овладения письменной речью у ребенка, на котором мышление развито достаточно для использования устной речи, но ребенок еще не произносит слова, понятные окружающим, и потому с трудом может распознать такие слова на письме. В итоге ребенок применяет так называемый «эгоцентричный язык», ядром которого являются индивидуальные переживания ребенка и сфера его «индивидуальных слов». Этот феномен чрезвычайно удивителен и сам по себе, ибо позволяет указать еще и на такой момент. В самые ранние периоды детства, когда эгоцентричный язык только формируется, попытки обратиться на нём к ребенку могут приводить к тому, что ребенок просто не реагирует на данные обращения. Другими словами, эгоцентричный язык настолько приватен, что на этом языке может говорить только его обладатель, но не окружающие. Впрочем, частное эмпирическое наблюдение, выполненное автором, не претендует на широту психологических обобщений.

Открытие, сделанное Л.С. Выготским, позволяет поставить позицию Л. Витгенштейна под сомнение. Но под сомнением оказывается только часть упомянутых выше идей, затрагивающая события формулировки высказываний или воздержание от таковых. Первая часть, касающаяся парадокса следования, остается неизменной, ибо даже при наличии индивидуальных слов, непонятных окружающим, ребенок применяет их по собственным правилам. Поэтому непонятность рождается не из отличия слов, а из отличия правил их использования.

Феномен внутренней речи дает возможность особым образом внести ясность в идеи Л. Витгенштейна. Использование внутренней речи в принципе позволяет и говорить, и молчать одновременно. Для себя человек говорит, для окружающих же он производит бессмысленный шум. Поэтому реализация такой речи в целом открывает путь к высказываниям и о том, о чем следует молчать. Только при этом привлекаются индивидуальные слова, имеющие индивидуальные значения. Таким образом, мышление и язык не образуют неразрывной связи, хотя мышление и не может выполняться без обращения к общим формам языка. Но такое использование языка ведет к непонятности высказываний, ибо язык применяется вне общих форм мышления. В этом случае высказывания ясны только говорящему, хотя возможность их понятности в принципе сохраняется, обеспечиваясь контекстом построения «индивидуальных фраз».

В завершение раздела необходимо дать пример «индивидуального высказывания». В этом качестве может выступать, допустим, любое высказывание из знаменитой поэмы о Бармаглоте, рассказанной Алисой в одном из произведений Льюиса Кэрролла. И в связи с тем же немаловажно отмежеваться от способов использования языка, предложенных Жилем Делезом и ведущих

к произвольным интерпретациям как частных, так и общих утверждений. Ж. Делез также апеллирует к некоторым произведениям Л. Кэрролла. Но такие апелляции призваны были показать возможности построения дискурсивной практики в результате выхода в том числе и за пределы пограничных ситуаций, обусловленных экстраординальными приложениями языка. Ж. Делез был все-речь намерен обнаружить внерациональную область инфрасмысла, которая тесно смыкалась со сферой самодостаточных актов тела. Выражение телесных актов в рамках высказываний позволяло преодолеть ограничения, накладываемые связью рационального мышления и языка. Спорность постмодернистских достижений на этом пути достаточно хорошо известна, хотя изыскания Ж. Делеза в данном конкретном случае и позволяют обнаружить некоторые корреляции между телесными практиками и лингвистическими актами. Так, любопытно, например, дуальное представление смысла как одного из эффектов отношения тел и языка, точнее, еды и говорения (*manger ou parler*). Ж. Делез раскрывает суть образов, представленных Л. Кэрроллом, в рамках указаний на то, что иногда можно представлять то, что ест тебя, как речь о том, что ешь сам [6. Р. 36]. Как ни странно, такая интерпретация, продолжая игру слов, предложенную Л. Кэрроллом, представляется нам все же не более чем рационализацией процедур порождения индивидуального языка. Другими словами, Ж. Делез лишь внешним образом демонстрирует некую экзотическую интерпретацию отношений языка и вещей. В глубине же такой интерпретации мы видим вполне традиционное деление сущих на мир имен (идей) и мир вещей (материальных объектов). Только, в отличие от платонической интерпретации, отношения здесь не исчерпываются противопоставлением идей и вещей, но допускают их взаимную обусловленность и в некотором смысле продолжение. Именно поэтому идеи Ж. Делеза не вполне вписываются в интерпретацию высказываний Л. Витгенштейна, предпринятую нами. Помимо всей своей небесспорности, в контексте нашего исследования становится ясно также и следующее: Ж. Делез в конечном итоге развивал линию, характерную для стоической мысли, а эта линия мысли, как и антагонистичная ей линия Платона – Гегеля, противостоит идеям скептицизма, элементы которого могут быть усмотрены в работах Л. Витгенштейна.

Заключение

Итак, внутренняя речь обо всем, о чем следует молчать, будет не до конца понятна другим людям, но в принципе она может быть не лишена смысла. И потому открывается возможность говорить для себя о том, о чем следует молчать для других людей. В итоге идеи Л. Витгенштейна становятся немного яснее именно в рамках предложенного подхода, хотя этот подход и требует создания особых правил языка, воспроизводя тем самым парадокс следования правилу.

Особый интерес вызывают перспективы дальнейших исследований, в рамках которых идеи Л. Витгенштейна могут быть сопоставлены с античной скептической традицией, в частности с пирронизмом. В рамках учения Пиррона утверждалась равная возможность доказательства истинности и ложности любого высказывания, что вело к требованию воздерживаться от каких-либо высказываний. Л. Витгенштейн полагал, что над-

лежит сохранять молчание в случаях, когда нет реальных возможностей приписать некоему предмету определенные признаки. В этом видится смягченная версия пирронизма. Анализ идей Л. Витгенштейна в данном ключе, учитывая масштаб их распространения в новейшей философии, позволит раскрыть степень влияния античных идей, их непреходящую ценность в границах современной культуры.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1. / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с. (Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Chast' 1.* [Philosophical works. Part I.] / trans. by M. S. Kozlova and Ju. A. Aseev. Moscow: Gnozis, 1994. 612 p.)
2. *Hintikka J.* What Does the Wittgensteinian Inexpressible Express? // *Harvard Review of Philosophy*. 2003. Vol. 11. P. 9–17.
3. *de Guerrero M.C.M.* Inner Speech as Mental Rehearsal: The Case of Advanced L2 Learners // *Issues in Applied Linguistics*. 1999. Vol. 10, is. 1. P. 27–55.
4. *Sokolov A.N.* Inner Speech and Thought. New York: Plenum, 1972. 284 p.
5. *Vygotsky L.S.* Thought and Language / ed. by A. Kozulin. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1986. 287 p.
6. *Deleuze G.* *Logique du Sens*. Paris: Les Editions de Minuit, 1969. 392 p.

Kulikov Sergey B. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/34/10

LANGUAGE, THINKING AND PHENOMENON OF INNER SPEECH AS KEYS TO UNDERSTANDING OF L. WITTGENSTEIN'S IDEAS

Keywords: history of analytical philosophy, antique legacy, language, thinking, Wittgenstein

The research objective was discussion of an essence what was necessary to accompany with silence in the context of the statement "whereof one cannot speak, thereof one must be silent". It would allow finding new ways for strengthening of any explanatory interpretation of ideas of L. Wittgenstein. The author believed that L. Wittgenstein allowed basic mixture of language (set of signs and rules of their application) and the speech (practice of the use of signs in the course of communication). Strict distinction of these phenomena allowed to bypass "ban" on promotion of statements concerning about what in standard conditions it was necessary to be silent. At the same time the question of all variety of ways of understanding of language and the speech in the context of L. Wittgenstein's statements was reduced to a problem of so-called individual language as formation process of "inner speech". The author reasons, what exactly this phenomenon opened by L.S. Vygotsky, allowed to clear borders in which L. Wittgenstein's statement "whereof one cannot speak, thereof one must be silent" lost the general meaning and became only a case of speech practice along with other options of communication. It was as a result revealed that the thinking and language had no indissoluble communication though the thinking and could not be carried out without use of the general forms of language. Application of language within the inner speech was capable to conduct to a relative extra rationality of statements because language in this moment was applied without use of the general forms of thinking. In this case statements were clear only speaking, and the general possibility of their basic clearing was provided with a creation context of "individual phrases".

References

1. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty. Chast' 1* [Philosophical works. Part I]. Translated from German by M. S. Kozlova, Yu. A. Aseev. Moscow: Gnozis.
2. Hintikka, J. (2003) What Does the Wittgensteinian Inexpressible Express? *Harvard Review of Philosophy*. 11. pp. 9–17. DOI: 10.5840/harvardreview200311110
3. de Guerrero, M.C.M. (1999) Inner Speech as Mental Rehearsal: The Case of Advanced L2 Learners. *Issues in Applied Linguistics*. 10(1). pp. 27–55.
4. Sokolov, A.N. (1972) *Inner Speech and Thought*. New York: Plenum.
5. Vygotsky, L.S. (1986) *Thought and Language*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
6. Deleuze, G. (1969) *Logique du Sens* [Logic of Sense]. Paris: Les Editions de Minuit.